

Олег Антонов

День Мечты

12+

Олег Борисович Антонов

День Мечты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55747036

SelfPub; 2020

Аннотация

Что ожидает мир через 10-20 лет? Предсказать невозможно, но можно представить. Какие люди будут жить в новом мире, решается сейчас. Герои рассказов – наши дети и внуки, живущие в 21 веке. Одни живут в городах, другие – в сельской глубинке. Но у всех есть заветные желания и мечты, которые могут изменить будущее. От нас требуется только помочь им осознать, что мечта каждого неразрывно связана с судьбой всей планеты.

Содержание

Дыра	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дыра

Мы сидели в кустах у речки и курили. Витька бросал в воду камешки и ждал, когда я дам ему затянуться. Оставалось на два затяга, я дал ему затянуться, потом затянулся сам и едва пальцы не обжег. В запасе осталось всего две сигареты, но ничего, может у Михалыча можно будет разжиться потом. Хотя он ругается, когда у него закурить просишь. Мал, мол, ещё, но когда выпивши, то сигаретку даёт запросто и не ругается. А какой же я малой, ежели мне скоро четырнадцать будет?

Ладно, сказал я Витьке, пора за мамкой идти, она на Чёрную сопку с утра пошла. Меня звала, но мне тогда надо было с Витькой одно дело обсудить. Он два патрона нашел, возле сарайчика Михалыча, целенькие, только немного сырые. Но я-то сразу подумал, что он их не возле нашел, а в самом сарайчике, дверь-то на запирается. Там приезжие обычно свои манатки складывают, могли патроны и вывалиться у кого из рюкзака. Вот я и сказал мамке, что в обед пойду, помогу корзины тащить домой. А уж до сопки дорогу я знаю, не заплутаю. Мамка и пошла одна. Она лес знает, за нее бояться нечего. Только вот корзины ей таскать не с руки, они тяжелые, тут мужик нужен.

Так что, с Витькой мы патроны решили приберечь, не расковыривать; что я, не видел что ли, как порох горит? Выпро-

сидеть потом ружье у Михалыча и на глухаря сходить, к осени. Сунул я патроны в карман и пошел за мамкой. Тут Витька за мной увязался, мол, ему все равно, дома делать нечего. Ну, вдвоем-то оно веселей, мы и пошли вместе.

Витька малец ещё, всего-то десять ему. Но других пацанов у нас здесь нету, одна сестра его, Аленка, да и та малая, шесть ей. Потому я Витьку держу за товарища, хотя он и любит поныть. Пока мы шли, он всё про фильм говорил, что в интернате перед отъездом показывали по телику. Я-то с интерната раньше убёг, как май пошел, так я сразу домой и ушёл. Будут потом ругать, да я не боюсь. Все равно не выгонят, приду осенью. Тут Витька пить захотел, пришлось к роднику, что Птичьим зовут, свернуть. Он как бы в чашу каменную натекает, а в ней птицы купаться любят. Синицы да клесты, мамка говорит, что и сороки тоже любят купаться, только я не видел. Напились мы воды, она тут холодная, вкусная. Витька чего-то головой завертел, мол, слышишь, чегой-то гудит. Я от родника отошел, головой повертел, но ничего не услышал. Это ему, наверное, почудилось. Что в лесу шуметь может – только ветер, да речка. Но до нее уже далеко, не услышать. Может, ветер верхушки качал, вот ему и послышалось.

Дошли мы до Черной сопки, на месте, с мамкой условленном, только одна корзинка с грибами стоит, значит, она где-то ещё ходит, вторую добирает. Витька сел у корзинки да давай грибы смотреть. Смотри, говорит, Петруха, какие они красивые, блестят, как карамельки, так бы и съел. Я ему

горбушку, что из дома захватил для себя, дал. Пусть жуёт, время-то обеденное, а то и вправду начнет грибы пробовать.

Решил я мамку пойти встретить, чего уж теперь сидеть, домой пора, обедать. Витьке я наказал, чтобы он никуда не уходил, пока не вернусь. Знаю я его, трусливый он в одиночку, еще реветь начнет, если ветка где треснет или сороки начнут трещать. И полез я вверх, по сопке, на ходу манком, что мне Михалыч прошлым летом подарил, крикая. Это я мамке сигнал подавал, чтобы она спускалась вниз. Скоро и ответный крик услышал, значит там она, наверху. Это я ей второй манок у Михалыча выпросил, в лесу ведь уток нет, потому и легко найти друг друга. А орать в лесу не принято, так только заезжие делают, охотник должен лес слышать, а его в лесу никто не должен замечать, иначе никакого зверя не найдешь. Я с Михалычем много ходил, а он охотник хороший.

Мать травы разной набрала охапку, любит она травы собирать, бабка её научила их отличать, пока жива была. Да вторую корзинку с грибами несёт, на бок клонится, и зачем столько набирать? Спустились мы вниз, а там Витька дрыхнет, в теньке под сосной, улыбается чего-то, может, карамельки во сне ест. Хотел я ему мурашей за шиворот сунуть, уже и набрал их в муравейнике на соломинку, да мать не дала. Погладила его по голове, он и проснулся. Мать ему и вторую горбушку, что я для неё принес, отдала.

– Пусть поест, Петруша. Ему расти надо. – Ну и ладно,

раз так. А он и говорит: – Спасибо, тётя Маша. – Смотри ты, какой вежливый...

Попили мы воды, что я у родника во фляжку свою солдатскую набрал, и направились домой. Мамка с травой идёт, я корзинки тащу, а Витька, бездельник, впереди скачет, прутиком машет. Мы уже половину дороги прошли, тут сосна без верхушки справа стоит, приметная. Тут Витька, что вперед далеко убежал, на месте замер, потом давай скакать и кричать. Но я и сам уже заметил светлую точку впереди, над лесом. Кажись, вертолет. Да еще как раз оттуда, где наша деревня стоит...

Витька подбежал и орёт: – Смотри, Петька, вертолёт! – Тут он как раз над нами и прошёл, здоровенный такой, но высоко уже. Прошумел он негромко, ветерок прошёл следом по верхушкам. Вертолет как вертолет, только окраска у него странная. Не зеленый, не бело-синий, а серебристый, с большими буквами «СОЧ» на брюхе. Такой к нам еще не летал. Витька вослед смотрит, прыгает и так рад, будто ему конфету дали. Совсем пацан ещё, чего радоваться-то? Ну, прилетели-улетели, не первый раз к нам вертолет, так что теперь, конец света что ли?

Тут и мать говорит: – У нас были, видно геологи... Для охотников-то не сезон ещё, а Петруша? – Очень мне не нравится когда она меня так называет, будто маленького. А Витька уже вперед рвется, охота ему быстрее домой попасть да узнать, кто прилетал. К нам, вообще-то, редко прилетают,

раз в месяц-два. А бывает и по три месяца никого, особенно с зимы на весну, когда ни охотников нет, ни заготовителей.

Да, огорчился я, вот же невезуха, и надо же было мамке сегодня в лес идти. Сидели бы дома, так всё сами бы узнали, а теперь от других узнавать. Когда еще такой вертолет прилетит...

– Может и геологи, – сказал я мамке, – теперь все летают... А может и иностранцев привезли, они могут не то что вертолет, ракеты, вон, в космос нанимают... – Мне и самому хотелось бросить все, да бегом в деревню, с Витькой наперегонки. Но я для солидности только через зубы сплюнул, как старшие пацаны в интернате. Корзины только поставил, чтобы руки поменять, хотя какой толк, все равно корзинки тяжелые, но так вроде легче становится тащить.

Про иностранцев я так сказал, наобум, прихвастнул. Однако Витька сразу пристал, где это я иностранцев видел. А у нас в райцентре прошлой зимой на вольчью охоту каких-то то ли немцев, то ли французов привозили, да только я их сам не видел. Мне Ольга говорила, у нее отец егерем служит. А в классе мы за одной партой сидим. Пришлось приврать малость для Витьки, чтобы идти было не скучно. Мол, были это французы, все из себя, в шубах, да с видеокамерами. Витька сразу давай спрашивать, какие у них ружья были. Но тут я врать не стал, сказал, что сам не видал. Нельзя по городу с ружьями ходить, они мол, их в чехлах держали. Он пожалел, что я ему раньше ничего не сказал, он бы уж и с уроков

удрал, чтобы на них поглядеть...

Мы все шагу прибавили, хотя уговор был посредине дороги отдохнуть, да и корзинки мне уже руки оттянули. Но еще больше хотелось быстрее домой попасть. А середину мы уже и прошли, пока болтали.

Только мы на выгон вышли, как сразу заметили, что гости пожаловали. Куча ящиков у реки, где каменистая россыпь поровнее, свалена. Там завсегда вертолеты садятся. И люди какие-то ходят у ящиков. Витька, как собачонка перед косточкой завертелся, так ему хотелось вперед убежать, раньше других все узнать. Мать у него траву, что понести давала, забрала. И говорит: мол, беги Витюша, погляди, кто к нам пожаловал. Он на меня просительно глянул, будто я ему хозяин. А мне что, пущай бежит. Я плечами только пожал, а он уже пятками засверкал. Тоже мне, друг, называется.

Когда и мы с мамкой подошли к гостям, у меня корзинки сами из рук выпали. Оставил я их, да осмотрелся. Трое парней ящики друг на друга складывают, видно, что порядок наводят, номера смотрят на ящиках. Да еще парень с девкой стоят поодаль, промеж собой что-то говорят, а рядом антенна, как тарелка большая стоит, я такую у пожарников видал, когда они в позапрошлом году у нас стояли неделю. Тогда на севере лес горел, они у нас пост держали и по такой антенне через спутник разговаривали с городом. Классная вещь, нам бы такую поставили, только стоит она, наверное, кучу денег...

Мамка моя поздоровалась с новыми людьми, да на камень села, передохнуть, траву не опустила. А те только и сказали: «Здрасьте», да дальше давай ящики таскать. Я тоже буркнул им «здрасьте», сел возле корзинок и смотрю-гадаю, что это у них в ящиках. Только не разберешь, что написано на ящиках пластиковых, одни буквы с цифрами. Тут тот парень, что с девкой говорил, к ящикам было пошел, но нас заметил и свернул, подошел ближе. Поздоровался с мамкой, да мне руку протянул:

—

Давайте знакомиться, меня Степаном зовут. Решили у вас поработать немного...

Я руку пожал, сказал, что меня Петром зовут, он покивал, улыбаясь. Хорошее у него лицо, приятное. Тут к нам и девка подошла, поздоровалась с мамкой и мне руку подала, сказала, что ее Юлией зовут. Приехали они к нам станцию какую-то ставить, я и не разобрал, какую, только на нее смотрел. Очень уж она красивая, эта Юлия, глаза карие, волосы до плеч, брови вразлет. Мамка ей назвалась по фамилии, меня назвала, хотя я и сам мог бы, потом встала и вроде как собралась уходить, но тут Юлия ее под локоть взяла, да к речке повела, что-то говорить стала. А я сижу, видно, с открытым ртом, потому что Степан на меня странно посмотрел, а я и не услышал, что он спрашивал. Тут я покраснел, да хотел удрать, но он отвернулся, и говорит: — Как тут у вас хорошо, первозданная природа, не то, что в городе, где летом задох-

нуться можно.

Мне ему и ответить нечем, я пригнулся, шнурки на кедах перевязать, желая только одного – провалиться на месте, исчезнуть, чтобы не видел никто, как я красный сделался, словно калина после первых морозов. Тут и остальные парни подошли, а один, что повыше ростом, белобрысый такой, засмеялся: – Дыра здесь, однако, а не природа! Само название за себя говорит... – Видно, слышал, что Степан сказал.

Но его перебил темненький, что ростом пониже и на бургята смахивает. У нас в классе два брата таких есть, Семеновы. Сам ты, говорит белобрысому, дырка от бублика, здесь места отличные, и речка чистая и тайга нетронутая. А что до названия, так оно свой смысл имеет, может, нам и расскажут, какой, когда поближе познакомимся. Подмигнул он мне и руку протягивает, говорит, что его Иваном зовут.

– А вот этого грубияна, – и показал на белобрысого, – зовут Алесем. Но он только с виду такой неотесанный, а на самом деле очень добрый и воспитанный.

Насчет названия я только потом сообразил, сразу и не понял, почему он нашу деревню «дырой» назвал. А третий, с рыжими волосами и веснушками на скуластом лице, сам Дмитрием назвался и руку мне крепко пожал. Белобрысый Олесь посмеялся еще, но больше ничего не стал говорить, корзинки наши давай разглядывать. Так я с ними и познакомился. Пока мамка с Юлией говорили у речки, я им грибы показывал да называл каждый, это Степан меня попросил.

Хотел я у них спросить, что это за станцию они ставить будут, да не успел. Михалыч на телеге своей появился, с ним еще парень из новых приехал. Его Михалыч Женей называл. Женя со мной тоже за руку поздоровался и сразу на речку посмотрел, где мать с Юлией беседовали. А я подумал, что смешное у него имя, как у девчонки, есть у нас в школе такая. Давай они на телегу вещи свои грузить, у каждого рюкзак или сумка, да ящики. Решили они к Серым скалам поближе палатки поставить, Михалыч им про мошку сказал, да они только отмахнулись, мол, есть у них, чем комаров отгонять. Михалыч только головой покачал сомнительно да сплюнул под ноги. Я подумал, что городские всегда с собой что-нибудь привозят, да толку мало от их кремов. А, может, и взаправду, есть у них такое средство, что поможет отбиться от мошки...

Тут вспомнил я про Витьку, он же вперед нас сюда прибежал, а сейчас его и не видно. Спросил я у Степана, мол, не видал ли он тут пацана одного, который раньше нас подошел. Так Михалыч вперед него сказал, усмехаясь в бороденку свою: – Мать его домой потащила, драть будет. Весь день его звала, а тут и вертолет давай садиться. Она уж думала, что с ним беда какая... Да тебя нет, вот она и забегала, встренула его тут, да сразу домой потащила. Достанется ему сегодня, она его уже по дороге прутом так и охаживала...

Я подумал, что не надо было Витьку отпускать, моя бы мамка за него заступилась перед тетей Катей. Но теперь-то

поздно, Витьку уже поди отлупили...

Михалыч повез вещи к Серой скале, парни за ним следом пошли, палатки ставить. Степан окликнул Юлию, сказал, что уходят, она кивнула и пошла к ящикам, мамку с собой повела. Тут я заметил, что интересные буквы у них на куртках сзади, по кругу написаны. Сверху стоит «ЧГУ» а понизу «СОЧ». Надо будет узнать, чего это написано.

Ну а мы с мамкой домой пошли. Я хотел было с парнями пойти, но корзинки-то надо домой тащить, пришлось остаться. Подходим мы к избам, а оттуда крики Витькины слышны, видно, тетя Катя не закончила наказание, допрос Витьке ведет. Да, досталось нынче Витьке, только я тут при чем? Надо было ему свою мать предупредить, что со мной пойдет. Теперь тетке Кате на глаза лучше не попадать, а то и мне достанется. Скажет, что это я его потащил за собой... Хотя она быстра на расправу, зато потом же и жалеть Витьку начнет, он потому и орет всегда погромче, чтобы поменьше били...

Вечером к нам Михалыч пожаловал. Сел на крыльце, да начал рассказывать, что парни эти из самой Читы приехали, и девка у них за главного. Они-то сами студенты, а она вроде как инженер. Будут у нас ставить станцию. Что погоду определяет да показывает через спутник. А еще «тер-ми-нал», со вкусом сказал Михалыч, поставят. Чтобы, значит, могли мы врача вызвать, если что, или там, сообщить о пожаре в лесу... Мамка все с травой возилась, молча, вязала пучки, которые я на чердаке развешивал, для сушки.

Михалыч похвастался, что подрядился им помогать, да сказал, что заплатят хорошо. Потом у мамки моей спрашивает: – А ты то что, Марья? Согласилась готовить для студентов? – А мамка в ответ и говорит, что еще не согласилась. Ну, Михалыч ей попенял, что пацану ее, то есть мне, учиться надо, так лишние деньги не помешают. Мать с ним согласилась, а я подумал: вот о чем они так долго с начальницей-Юлией говорили. Мать у меня готовит хорошо, да только они ведь из города, может и не поглянется им. Небось, привыкли к разным городским кушаньям, что моя мамка и готовить-то не умеет. Да только когда к нам на охоту кто приезжает, то Михалыч ее всегда готовить уговаривает, и никто еще не пожаловался, наоборот, хвалят, да добавки просят...

– Так что, подрядили они меня, с подводой. До скал я им все перевезу, а дальше уж они сами будут таскать, – Михалыч был очень доволен собой, что оказался таким нужным. А к кому же еще им обратиться, если в нашей Прорехе всего восемь изб, да половина-то пустыми стоят. И лошадь с подводой только у него и есть. Витькин отец в райцентре работает, домой-то редко выбирается. А у нас с мамкой одна корова да десяток курей. Есть еще старики Потаповы да бабка Авдотья, но у них кроме коровы да свиней, тоже ничего нет. Вот и получается, что окромя Михалыча и некому помогать студентам. Эх, мне бы к ним подрядиться, да только зачем я им...

Утром Витька прибег, веселый, будто и ничего с ним вче-

ра не было. Только на руках да ногах следы остались от прута, но это для него привычно, его, почитай, через день мать дерет, то он за сестрой не смотрит, то залезет куда-нибудь... И пошли мы к студентам, смотреть, что они затеяли.

Пришли мы к палаткам, что они поставили под первыми елями у реки, рядом с Серой скалой, сели неподалеку и посмотрим, как они ящики открывают, да достают оттуда всякие инструменты. На нас поглядывают, но не отвлекаются. Я для форсу и закурил, мол, не малолетка какой, почитай, парень уже взрослый... Витька сразу заныл, «дай курнуть, хоть затяг...». Ну, я и дал после третьей. Тут Степан с Иваном переглянулись, да подошли к нам. Витька им опять – «здрасьте», сигаретку в зубах держит, сам дым носом выпускает. Степан сигаретку мою отобрал, да в землю втоптал.

– Эх ты, – говорит он Витьке, – дурак малолетний. Еще раз увижу, что сигарету в рот сунешь, так накажу ремнем, что неделю сидеть не сможешь.

Я тут вскочил, хотел на него наехать, чтобы не командовал тут, а Иван ладонью в меня уперся и говорит: – Ты, Петр, человек взрослый, а глупости потекаешь. – Тут я замер, решил погодить, чего дальше будет. А он продолжает: – Поэтому сам решай, будешь ты курить или нет, но только за себя решай. А если Виктору еще раз сигарету дашь, то будешь наказан, как взрослый. Ему ведь сначала вырасти надо, а дальше он сам решит, будет он курить или нет.

Послал я их подальше, да и повернулся уходить. Обидно

мне стало, что они меня так опозорили перед Витькой. А он сидит, глазами лупает, тоже мне, друг называется. Но Степан меня окликнул: – Эй, Петруха! – Я и оборачиваться не стал, только он меня в три шага догнал да за плечо ухватил. Я плечом дернул, злой я был, как черт. Шас, думаю, даст мне по шее. Тогда уж я тоже ему врежу... Ну, он руку убрал, засмеялся. Я глянул на него, он руками развел, мол не бойсь, бить не буду. Как будто я забоялся.

– Не злись, – говорит, – на сердитых воду возят. Если ты взрослый, так сам понимать должен, что к чему.

– А я и понимаю, – сказал я, а сам думаю, что начнет он мне лекцию читать, о вреде курения, каких я в интернате наслушался. Да только кто их слушает?

– Вот я так и подумал, – говорит Степан. – Только ведь у нас коллектив собрался из некурящих и если ты с нами пообщаться хочешь, то придется без курения обойтись. А то мы на дух табак не переносим. Хорошо?

– Ладно, – говорю, – не буду я при вас курить.

– Вот и хорошо. А лучше бы и вообще не курил. – Тут уж я только плечами пожал, мол, подумаю.

– Ну, тогда пошли обратно. – Обнял он меня за плечи и повел к палаткам. Злость у меня куда-то пропала, и на Витьку я уже не обижался, хотя не по-товарищески он себя вел. Ну, это ладно, пацан ведь еще.

Потом мы им помогали ящики у речки от дождя да от сырости брезентом закрывать, да вместе к Прорехе ходили,

место выбрать для станции. Очень им приглянулась Серая скала, что по правому берегу стоит, всю облазили, даже Юлия приходила смотреть и потом сказала, что лучше места и не найдешь поблизости.

Так и пошло у нас – с утра мы к ним уходили, вечером домой шли. Мамка моя и не говорила против ничего, да и мать Витькина сказала, что рядом с ними мы без пригляда не останемся, они, мол, люди серьезные...

Студенты странные какие-то оказались, видел я зимой одних, в райцентре, так те были ничем не лучше наших старших пацанов, из интерната. Те только и умели, что к девкам приставать на улице, да меж собой ругаться. А эти другие совсем, с ними интересно.

С утра, только солнце встанет, как они из палатки своей выскочат, на речке умоются, да давай прыгать-бегать по берегу. Степан мне объяснил, что зарядка по утрам – лучшее средство от всех болезней и бодрость дает на весь день. Мы с Витькой первый день посмотрели, а на второй день уже с ними давай делать зарядку эту, за компанию. Степан нас похвалил, да потом, каждое утро что-то новое показывал, упражнения для дыхания, для гибкости. И зубы они по утрам и вечерам чистят, будто без этого они и жить не могут. Мы бы тоже чистить стали, да где ж щетки-то взять? Пришлось пальцем пасту растирать, они нам тюбик подарили. В интернате-то у нас есть и щетки и паста, только утром лень было зубы чистить, разве что на праздники, или когда заставят

воспитатели.

А начальница их, Юлия, в палатке, что поменьше жила. И тоже утром с нами зарядку делала, только она не все наши упражнения делала, больше все гнулась да прогибалась, а потом бегала к лесу. Она совсем на начальницу не похожа, никогда не кричит, а уж чтобы ругаться, так этого у них ни-ни... У нас в интернате без крика да ругани никто и говорить не может, даже директор. А тут студенты меж собой, да с другими, все «спасибо-пожалуйста»... И мне Степан сразу сказал: «Будешь матюкаться через слово, да гадости другу своему говорить, можешь к нам и не ходить. У нас так не принято». Так если все кругом говорят, мы то чем хуже? Вон и Михалыч ругается, да и тетя Катя тоже... Мы с Витькой порешили, что будем теперь, когда ругаться захочется, палец прикусывать, а то ведь с непривычки завсегда что-нибудь, да и скажешь, сам не заметишь. А Степан, когда заметил, как я пальцы в рот сую, посоветовал про себя до десяти считать, когда ругаться хочется, мол, хорошо действует. Попробуем, может и лучше.

Палатки у них хорошие, разноцветные, внутри и столик есть, фонари как лампы, висят. Светло от них, не то, что от наших керосинок, что у нас в избах стоят. И чисто всегда, постели аккуратно заправлены, вещи по местам разложены. Книжки студенты читают, а когда и телевизор смотрят, он у них от батарей работает, которые солнцем заряжаются. Вот же бывает у людей счастье-то, причитала Витькина мать, ко-

гда первый раз пришла посмотреть телевизор. И то, правда, мы с Витькой телик хоть в интернате можем посмотреть, а уж в деревне нашей никогда его не было. Без электричества какой там телевизор... Хватало пока и приемников на батареях.

Больше всего сошлись мы со Степаном, он вроде бригадира у студентов, хотя по возрасту они все ровесники, но его Юлия технарем называла, может потому он и командовал. Он мне сразу понравился, приветливый всегда, да не отмахивается, как старшие пацаны у нас в интернате. Если спросишь чего, всегда ответит, да еще либо сам объяснит, либо из ребят кого попросит. И ребята хорошие, веселые... Анекдоты они редко рассказывают, больше все книжки обсуждают, какие читали или про кино спорят. Послушать интересно, а уж Витьку тогда не оторвешь, все ему интересно, хотя и половины не понимает, потом у меня переспрашивает. Тут уж иногда и приврать приходится, мне ведь тоже не все понятно бывает, когда они говорят.

Работать они дружно начали, мы им с Витькой тоже помогали. Когда на подводу что погрузить, или там подержать рулетку, когда замеры делали. Они поначалу всё меня тормозили, мол, сами управимся. Но потом привыкли и я уже вроде за своего стал. Витька то больше бегал, ему на месте не сидится, да и малек он ещё, чтобы от него помощи ждать. А я пристроюсь рядом, чтоб глаза не мозолить, и слушаю да смотрю. Если воды там принести или инструмент какой, я

тут как тут.

А когда раствор месить стали наверху, на Серой скале, где станцию ставить решили, тут и я пригодился. Они со скалы веревку спустили, чтобы воду или песок набирать в ведро, да наверх поднимать. Тут я и стал у них помощником. Они ведро спустят, я воды зачерпну, к скале подтащу да за веревку и прицеплю. А они уж наверх вытянут, вдвоем.

Так и пошла у нас работа, они наверху скалу просверлили, опоры поставили, бетоном залили. Через день, когда бетон застыл, давай домик собирать, для станции. Степан мне пояснил, что станция эта будет температуру измерять, влажность и еще много другого, только я не все запомнил. Хотя он интересно рассказывал, про то, как погоду изучают, как летит в небе спутник и с таких вот станций, которых уже больше тыщи поставили по России, собирает все данные, потом посылает в центр, где компьютеры считают все, да прогнозы делают. И польза для людей большая от этого, и морякам, и летчикам, и геологам.

Интересно мне было студентов слушать, когда они промеж собой говорят. Только многих слов я не понимал, но спрашивать не всегда решался. Олесь надо мной всегда подшучивал, когда я переспрашивал, но не обидно, а так, по-свойски. Да еще дразнил, когда я через слово «блин» или «короч» повторял, так я скоро перестал.

Начальница их, Юлия поначалу-то к ним редко приходила. Всё больше одна по окрестностям ходила-бродила, непо-

нятно что высматривая, приборы какие-то носила с собой. Я и спросил Степана, мол, что ж это за начальник, который на работу так редко ходит. Он засмеялся: – Она свою главную работу делать будет когда мы станцию соберем, она ведь ее запустит и проверку сделает. Да еще пару дней настраивать будем. А пока мы и сами справляемся, чего же ей тут без пользы над нами стоять. А что она по окрестностям много ходит, так ведь надо все ориентиры на карту занести, замеры сделать, пробные измерения...

Они-то на ученых да на инженеров учатся, в университете, потому у них на куртках и стояло «ЧГУ», из Читы, значит. А «СОЧ», как пояснил Степан, означало организацию международную, которая на всю их работу деньги давало, да учиться помогало. Очень они уважительно о ней говорили: «Свободная организация человечества». Да и часто в разговорах поминали. Что и в других странах с ее помощью разные работы для людей проводятся. Получалось, что организация эта много пользы людям приносит, и не только у нас. Вот теперь будет стоять в нашей Прорехе станция и пользу людям приносить. А про «терминал» Степан мне обещал рассказать, попозже, когда его собирать будут. Да еще обещал, что научит, как с ним обращаться...

По субботам у нас завсегда баня. Все в этот день стираются да моются, баньку-то топить каждому по отдельности неважину, да и воду из речки натаскать ещё надо. Но со студентами все весело, да быстро стало. Они с утра все вме-

сте воды натаскают с запасом, дров напилят и наколют, пока старики первыми моются. И мы с Витькой на подмоге. Потом пообедаем все супчиком грибным да пирогами, что мать приготовит. Она ведь согласилась готовить для них, так они по три раза в день ее хвалят. Да и что не хвалить, если мамка моя всякие травки да коренья собирает, да грибы с ягодами им в еду добавляет. Они по три кружки компота или чаю с травками выпивают, да еще просят. А уж по субботам, после баньки, говорят, что лучше ее кваса не пивали... Не зря, значит, Юлия мамку мою уговаривала поварихой стать. А мамка только смущается от похвал этих, но ей-то очень такое приятно. Они с Юлей, как подружки, все подшучивают над ребятами, да смеются. Вот и хорошо, а то мамка моя все больше, по ночам плакала потихоньку, а теперь и песни напевать стала повеселее.

В первое воскресенье, когда отдых объявили, захотели они вокруг побродить. Семён всю неделю интересовался, какие вокруг места есть интересные, так Михалыч им советовал на старую заимку сходить, да только чего там им делать, это ж для охотников интересно – посмотреть на оленей, которых Михалыч прикармливает, чтобы они к заимке выходили. Да и то зимой, когда снегом всё закроет, а сейчас какие там олени... И предложил я им на Ягодную поляну сходить, о которой только мы с мамкой знали, сейчас как раз земляника подспела. Все согласились, только Олесь начал было артачиться, мол, лучше на оленей пойти посмотреть, но по-

сле того, как Юлия сказала, что на такую поляну она с детства мечтала попасть, так он и затих.

Вышли мы, когда солнце уже вверх пошло, я их придержал немного, чтобы по росе они не намокли. До поляны идти надо было часа два, пока до поляны дойдем, солнышко и траву подсушит, и ягоды послаще будут. Пока мы шли, студенты все больше разговоры вели о том, что им еще надо сделать, да как лучше. Но когда до поляны дошли, то все разговоры у них сразу кончились. Я их с восточного края подвел, чтобы поляну лучше видать было. Встали они на краю, да и замерли. И то сказать, есть, чем любоваться – трава на поляне невысокая, мягкая, под листьями земляничными красные точки видны, а вокруг молодые ели густо стоят, ветру дороги не дают. Юлия заахала, присела и первую ягоду сорвала. Тут и остальные разбрелись, даже белобрысый ворчать перестал, что и в городе клубнику можно найти. Пока они ягоды ели, я в туюсок ягод набрал, мамке. Любит она землянику, а ходить ей теперь особенно некогда. Витька ягод наелся, да наладился было полежать в тенишке, но я его быстро работой обеспечил.

– Для сестры-то ягоды нарви, – и свернул ему кулек из листка тетрадного. Покряхтел он, но кулек набрал. Наелись все, разомлели на солнышке, на травке мягкой. И правда, хорошо ведь: лежишь в небо синее смотришь, облака белые бегут, вокруг жизнь идет, кузнечики траву пилят, шмель крутится вокруг, мураши по руке ползают... Витька так-таки

прикорнул в теньке, под елкой, засопел. Собрались обратно идти, растолкал я Витьку, чтобы он не задерживал всех, дал из фляжки компота попить. И отправились мы обратно, солнце-то уж за полдень пошло.

Обратно я их повел по-над речкою, чтобы они могли посмотреть, почему же нашу деревню Прорехой называют. Михалыч им пояснял, что деревня наша поставлена, была почти сотню лет назад, когда здесь партизаны от беляков прятались, потом от властей люди прятались, кулаки какие-то... В давние времена между горами было озеро, потом переполнилось оно и разом вытекло через узкую щель, у которой и стоит наша деревушка. Это нам один геолог рассказывал. Если от деревни смотреть на Прореху, то справа стоит Серая скала, выше сосен в два раза. А слева каменистый слоеный выступ горы, его речка снизу подмывает и он осыпается. Здесь у речки самое узкое место и она шумит сильно, камни ворочает. Если снизу по речке идти, то издали кажется, что никакого прохода и нет, Серая скала на коричнево-красном фоне горы только выпирает, на солнце белой кажется и непонятно, откуда речка течет. Чтобы проход увидеть, надо на левый берег перебираться или до скалы впритык подойти.

Вот теперь я и вывел их поверху, чтобы они с другой стороны на Прореху посмотрели. Вышли мы на горбатый холм, что над самой речкой стоит, откуда хорошо видно Прореху, тут они все и встали, как вкопанные.

– Вот это да, – сказал Ваня, а Юлия только рот открыла,

белобрысый головой мотает, будто лошадь, которой мошка глаза залепила. Может, они в городе всякого повидали, да только такого раздолья они не видали. Постояли они так, посмотрели, Олесь первым очухался, сделал пару шагов к речке, а дальше забоялся, там склон крутой, и трава скользкая. Посмотрел он вниз, на речку, на ели, что верхушками торчат под ногами, да обратно вылез. Степан руки раскинул, будто простор этот ему обнять захотелось, улыбается, на солнце жмурится. Юлия попрыгала, как девчонка, потом крикнула: – Ого-го... – И слабое эхо снизу отозвалось: – ..го-го. Витька здесь уже был, ему это было не в новинку, сел на траву, дожидаясь пока обратно пойдём. Ну, покричали они, особенно белобрысый надрывался, да только здесь эхо неважное, зато есть одно место, чуть выше от Серой скалы, так там эхо по три раза слышно, да громкое такое. Потом им покажу, пусть покричат, порадуются.

Порадовались они, как дети малые, и Витька с ними развеселился, не усидел. А я прошёл вперед и посмотрел еще раз на широкую, будто чашу долину, на блестящую внизу речку, на обрывистый склон ущелья напротив, с щебнистыми осыпями, по которым так трудно ходить. Мне всегда хотелось отсюда разбежаться и руки раскинуть, полететь, как птица, к тому местечку, что я прошлой зимой высмотрел, когда на лыжах ходил за Михалычем, да только крыльев негде достать... Это местечко я заметил, да только зимой недосуг было к нему сходить, да и боязно одному, может теперь

получится со студентами.

Вернулись мы в деревню, мамка моя уже заждалась, встречать вышла к Серой скале.

– Как прогулялись, небось голодные? – спрашивает, тут ей Степан сюрприз – букет подает, и когда нарвать успел? Мамка моя зарумянилась и лицо за цветы спрятала.

– Спасибо вам, Марья Гавриловна, – говорит Степан и краснеть начинает, – сын у вас такой замечательный.

А тут ей и Юлия подарок – земляники баночку подает, это она здорово придумала, у мамки глаза заблестели, так всегда бывает, когда она плакать собирается. Но она головой только мотнула, да «спасибо» прошептала. И пошли мы обедать, мамка с Юлией впереди, под ручку, а мы за ними. Тут Ваня Степану, еще красному, руку пожал, а белобрысый только головой вертит, будто его оглоблей по затылку стукнули. Женька как в воду опущенный идет и только на Юлию смотрит, он за ней все время взглядом водит, но когда она подойдет, слова сказать не может, Алесь его обзывает Ромео, а он только краснеет. А мне так приятно стало, что мамку мою они так уважают.

Я раньше-то думал, что зря она согласилась, будто прислуга, какая на них готовить, да они с первого дня только и делали, что хвалили. Я от них и намека не слышал, а если б услышал, так не посмотрел бы, что взрослые, сразу бы врезал... Да только не такие они ребята, мне бы таких друзей!

Сделали они опоры на скале, потом начали саму станцию

собирать из серебристых панелей, только Степан сказал, что они не алюминиевые, а сплав какой-то, но тоже легкие. Тут нам пришлось повозиться, ведь таскать их на скалу неудобно, пришлось поднимать на веревке. Михалыч ящики подвозил на своей телеге, мы со Степаном панели те из ящиков доставали, веревкой обвязывали да смотрели, чтобы груз не крутился. А наверху парни сколотили стрелу, как у крана и колесиики приделали, блок называется, чтобы тащить легче было. Всю неделю собирали станцию, Юлия тоже начала из ящиков приборы какие-то доставать, но это без нас с Виткой было, мы все время у скалы работали. Дожди нам помешали немного, но в субботу Степан сказал: – Вот и сделано половина работы! Теперь отдохнуть надо хорошо, да за самую сложную работу браться.

Я-то думал, что мы наоборот, самую трудную часть сделали, а белобрый засмеялся: – Это физически была сложная часть, а теперь начнется интеллектуальная. Нам ведь не просто избушку построить надо, а станцию! Тут мозгами придется поработать, а это не у всех получается...

Насчет мозгов я намек понял, только вида не подал, потом у Степана, когда мы вдвоем оказались, спросил, какая ж тут работа для мозгов. Он и объяснил, что станция из разных блоков состоит, каждый из которых должен что-нибудь измерять, запоминать, потом передавать в центральный блок, откуда все данные на спутник отправляются. Вот они теперь, под руководством Юлии и займется тем, что начнут каждый

блок проверять, настраивать, да с центральным блоком соединять. Рассказывал он мне все подробно, но я только главное уловил. Он и обрадовался, когда я ему все своими словами повторил. Он любит меня переспрашивать, сначала что-нибудь расскажет, а на следующий день и переспросит, будто между делом. Ну, я и старался все запоминать, он ведь интересно рассказывает, не так как в школьных учебниках пишут...

Вечером в субботу, уже спать все улеглись, слышу я, как понизу деревни заорал кто-то: «Из-за острова на стрежень...». Значит, думаю, привез Михалыч из райцентра своего сыночка. Опять вдвоем надрались по дороге, теперь до утра не уймутся, будут орать, да еще подерутся. Так оно и вышло. Николашка сварщиком работает, жена у него с дочкой, живут они в райцентре, но, почитай, раз в месяц, когда Михалыч спускается за припасами и к ним заезжает, он решает «дом родительский навестить». Наберут они водки с отцом, да и начнут пить еще по дороге, в деревню приедут и здесь продолжают. Николашка по избам ходит, хвастает своими деньгами, или приставать начинает к кому, а унять некому. Михалыч завсегда, как напьется, жену свою бьет, или с сыном драться начинает, если тот под руку попадет. В воскресенье они с утра помиряются, а к вечеру опять подерутся. А в понедельник папаша своего сынка с утра кинет, поперек седла, да отвезет обратно, вниз. Ему же работать надо.

Только в этот раз Николашке не повезло, нарвался на

неприятности, решил разобраться со студентами. Мимо избы нашей прошел, спотыкаясь в темноте, снова ту же песню орать начал, только никак он дальше первого куплета продолжить не может, забывает. Куда ж это он направился, подумал я и выскочил на крыльцо. Николашка уже на выгоне по новой песню заорал было, да сразу и смолк, видно свалился. Мамка следом вышла, спросила, куда это он направился, ну я и сказал, что к студентам. Смотрю, она лампу взяла.

– Куда это? – спрашиваю, а она только рукой махнула, да с крыльца подалась. Ну, я за ней следом, вот, думаю, сейчас Николашка начнет к парням приставать, чего мол приехали, да еще Юлию увидит, так полезет знакомиться-обниматься... Он любит покривляться, когда пьяный, трезвый-то вроде мужик спокойный, а как выпьет, то будто клоун в цирке, придушивается... Дошли мы до выгона, смотрим – а Николашку обратно волокут, Степан с Алесем его за руки тащат. Николашка фонарь наш заметил, да давай дергаться, опять орать начал.

– Батя! Давай этим засранцам щас устроим...

Думал, видно, что это Михалыч ему на выручку идет. Мамка моя его пожалела, вы уж его ребята не бейте, говорит. А Степан удивился, зачем, мол, его бить, он же пьяный. Сейчас мы его в баньку отведем, там он и проспится к утру. Мамка еще спросила, не натворил ли он чего у них, но Степан ее успокоил, что мол, ничего он не сделал, только пошумел малость. А я поначалу-то думал, что побьют Николаш-

ку, он ведь неугомонный, когда напьется. Но ребята бороться умеют, сам видел, как они тренируются, видно для них скрутить такого – пустяковое дело.

В воскресенье собрались мы, и пошли пораньше на Даль-озеро, где рыба хорошо ловится. Погода нам, будто нарочно, выдалась классная. Дошли мы к озеру в обед, накупались, рыбы наловили... Обрато шли, песни пели, Юлия так хорошо пела, голос у нее негромкий, но приятный. Да и Алесь постарался, очень у него смешно частушки выходили, все чуть не падали со смеху. Пришли домой, а тут и дождь начался, будто нас дожидался. Но мы всё равно рыбу в глине, как Ваня научил, запекли, да до самой темноты просидели у костра.

Женька нам с Витькой рассказывал о том, как у них учиться интересно, сколько приборов всяких, да установок с компьютерами в лабораториях, как они на них учатся работать, какие исследования проводят. Получалось у него так, что физики только и делают, что какие-нибудь опыты проводят, изучают материалы всякие или законы. Очень хотелось бы мне на такое посмотреть.

– У нас тоже всяких приборов хватает, – загорелся Ваня и мне подмигнул, – да только у нас интереснее, мы ведь живую природу изучаем. Биология сейчас поважнее будет, чем всякие там плазматроны или ускорители частиц. Каждый год новые болезни заводятся по всему миру, без нас человечество вымрет...

Тут и Алесь в спор полез, они ведь почитай каждый день

такие споры устраивают, хоть мне и не всё понятно, но интересно слушать. Вот и сейчас, начал белобрысый доказывать, что биология, да и физика без них, химиков вообще бы ничего не смогли сделать.

– Как же вы без полимеров или реакций синтеза лекарства свои делали, – попрекал он Ваню. А Женьке и Степану, кричал так, что слюна летела: – Да если бы Менделеев свою таблицу не придумал, вы бы к трансурановым элементам еще только подбирались бы... А из чего без нас строили бы ракеты? Из чего компьютеры собирали?...

Так они могли спорить до бесконечности, но Юлия их быстро остужала, когда просила призадуматься над тем, что они все делали бы без математики. Тут все в затылках чесать начинали, только Ваня хитро усмехался, но в спор не лез, признаваясь, что да, даже древние шаманы да алхимики всегда всё брали в пропорции, а это явная математика.

К нам и мамка приходила, с Юлей пошептаться. Оказалось, что Михалыч сына своего в обед обратно увез. Вот и хорошо, а то ведь он опять напился бы, да в драку полез, совсем дураком становится после водки. Да и у Семеновны меньше синяков будет, Михалыч-то один почти и не пьет...

Заблестел на Серой скале домик, на солнце мягко отсвечивает, не резко. Посмотришь на него утром, пока он в тени ещё, кажется, будто облачко застряло на верхушке, вот-вот ветром сдует.

Юлия теперь с утра до ночи на скале пропадать стала.

Дверцы домика распахнуты, внутри ящички разные стоят, блоками называются, проводами разноцветными соединяются. Вытащат ребята внизу из ящичков блок, Степан с Женькой в палатке его к компьютеру своему складному подключат, проверят и отнесут наверх, где Юлия его в домик вставит, подключит к нему провода всякие, да на своем компьютере тоже начнет проверять. На экранах картинки всякие смотрит, какие-то цифры набирает. Ох, и классные у них компьютеры, когда первый раз увидел – обалдел, размером как две книжки, зато все умеет. У нас-то в интернате таких сроду не было, а те, что есть уж старые, целый стол один занимает. Женька нам с Витькой даже поиграть дает, когда время есть свободное в обед, или вечером. Вот бы такой заиметь, да только стоит он, как Алесь сказал, столько, что лучше и не мечтать. Таких денег у нас всей деревней и за десять лет не набрать. Но Ваня его опять поправил: – Если Петр захочет, то и не такой сможет заработать, покруче. Правда, Петро?

Я, конечно, согласился, только вот как он это себе думает? Если я после интерната в армию пойду, потом работать пойду, ну там шофером или, как Михалыч советует, нефтяником, то когда ж это у меня такие деньги появятся?! Лет через десять только, да и зачем мне тогда этот компьютер, вон, в райцентре, сколько вахтовиков работает, но что-то я не слыхал, чтобы у них компьютеры были. А Ваня серьезно на меня смотрит, будто мысли мои читает, потом и гово-

рит: – Ты ведь парень серьезный, если будет у тебя желание, то добиться всего можно. Но помимо желания надо еще и терпение иметь, чтобы добиться намеченного. Вот сейчас ты в школе учишься... Если закончишь школу хорошо, то можешь смело к нам, в Читу приезжать, поступать учиться в институт или к нам, в университет. Чем сможем, поможем.

Тут уж я совсем обалдел, раньше я даже и не думал о таком, да и разве для нас это? Мы ведь деревенские, какие там институты... Вот в интернате, лежим мы в спальне и кто-нибудь начнет о том, что после школы будет делать, то больше всего говорят о том, что лучше работать водилой на Камазе, или податься на нефтепровод какой, где можно выучиться на сварщика, или на трубоукладчика. Они, говорят, хорошо деньгу зашибают. Вон, у Семки папаша на насосной станции работает, так каждый месяц ему подарки возит, машину себе купил новую...

Тут и Степан отвлекся от книжки, что читал. Он завсегда после обеда книжку какую-нибудь читает. Правильно, говорит, Ваня, если есть у Петра желание да мечта, так он своего добьется. И Ломоносов из деревни пешком учиться пришел, а тут парнишка может нормальную школу закончить, уж учебников в школах хватает, а если что сам не поймет, то на что тогда учителя? И рассказал мне, что Ваня, мол, тоже в интернате учился, закончил на отлично, с медалью. На биолога учиться поступил сразу. И теперь учится на отлично, лучший студент в группе, на третий курс перешел, сти-

пендию получает, да еще вот летом зарабатывает хорошо. Да и Олесь тоже с родителями в Читу приехал не из большого города, а из маленького гарнизона, где отец его служил...

Слушал я Степана и хотелось мне всё это обдумать, да с Витькой обсудить. Он, хоть и пацан еще, но всё-таки дружен мне. Сколько раз бывало: мы с ним устроимся на солнышке где-нибудь, да и, глядя на белые облака, мечтаем... Витька все больше летчиком хочет, или шофером. Чтобы на машине ездить, или летать на вертолете. А мне это меньше нравится, чем в лесу ходить. Столько всего за день можно увидеть, чего ни в одной машине не найдешь. Все машины одинаковы, а каждый гриб сам по себе растет. Да только Витька этого еще не понимает, одним словом, пацан.

Тут обед закончился, парни на скалу отправились, а я по дороге решил, что надо будет сводить Степана или Ваню к тому местечку приметному, что я зимой заметил. Одному или с Витькой как-то боязно туда идти, а мамка только отмахнется, далеко туда. Но очень уж захотелось мне проверить, не привиделось ли мне тогда мерцание какое-то. Михалыч тогда оглянулся на скалы, да ничего не заметил, а я ведь хорошо видел, как между ними переливается зелено-розовое, будто на ветру ткань тонкая колыхнется, только ветра тогда не было, я еще удивился, как так получается...

Уговорил я всё-таки Степана сходить туда, только это уже перед самым их отъездом было. Закончили они станцию налаживать, заработала она, терминал, что на телефон с экран-

чиком похож, в избе Михалыча поставили. С нами и Ваня пошел, мы с ним подружились крепко, сколько раз с мамкой втроем ходили за травами, да грибами! Он все интересовался, как мы травы да грибы называем. А он в ответ говорил, как по науке надо называть. По латыни, говорит, все растения и животные свои названия имеют, чтобы ученые с разных стран могли друг друга понимать, когда меж собой разговаривают, или там, по Интернету общаются. Много он названий знает, но не все еще. Мамка моя не лыком шита, рассказала она ему про то, что разрыв-траву надо только ночью собирать, иначе силы в ней не будет, так Ваня потом в тетрадку свою все переписал, я сам видел. Мамка-то много еще чего знает, да только никому, кроме меня не рассказывает, это, говорит, секреты семейные, в чужих местах свои секреты есть, там и травы по-другому зовутся, и силу другую имеют. Я завсегда запоминаю, что мамка мне говорит, это ведь пригодится, да и мне самому нравится про травы, про деревья узнавать...

Подошли мы по речке к месту тому, что от деревни нашей за три часа ходьбы, с нашей стороны там распадок от реки отходит. Михалыч его Восточным зовет, зимой солнце прямо из него встает, а по распадку лоси к реке ходят. А напротив, через речку, склон как стена стоит каменная, из него и торчат черные камни, от воды метров двадцать вверх. Камни черно-сизые, будто обгоревшие торчат из серо-коричневой стены, у одного вершинка острая, другой весь округлый,

а пониже третий, едва виден. Солнце над нами стоит, теней на склоне нет, а между камнями, будто дымка какая-то стоит, зелененькая. Я Степану и показываю пальцем на неё, издали-то ее и не заметишь, пока не встанешь напротив скал этих. Пока мы шли, я им про мерцание рассказал, они вроде бы и верили, но я-то заметил, что сомневаются. Да и как поверить, если я это зимой только раз и видел. Подошли мы, поставил я их напротив склона, к самой воде подвел, чтобы лучше видно было. Смотрите, говорю я им, видите?

– Вижу, – говорит Степан и щурится, – два камня черных, видно порода крепкая, да и по цвету отличается от склона. Видно, выходит здесь какая-то порода. Да чуть ниже торчит камень, такого же цвета. А больше ничего...

– А между ними, промеж камней-то видишь чего? – спрашиваю, и на Ваню смотрю. Он тоже ладонь к глазам приставил, чтобы солнце не слепило, хотя оно стоит над головой, и смотрит на камни. Таких-то камней нигде больше я не видел, и у Михалыча спрашивал, он тоже не встречал.

– Нет, – говорит Ваня, – ничего кроме камней черных не вижу. Да и чего там может быть? Разве что паутина, да только как она там держится, между ними метров пять, таких пауков здесь не должно быть...

А я смотрю, и вижу, пусть и не очень хорошо, но колыхается между этими черными глыбами что-то зеленоватое, медленно так, только форму не угадаешь, как размытое пятно, к нижнему камню тоже тянется. И слегка так, едва заметно,

розоватым пробивает, будто это и вправду ткань прозрачная, вроде тюли, что в интернате в спальнях вешают, но только потоньше...

Так ничего парни и не заметили, хоть я им и пытался объяснить, да только трудно это оказалось, чуть язык не сломал. Нет, говорят, не видим ничего и все. Так мне обидно стало, что я решил влезть наверх. Может это у меня с глазами что-то не то, так может, вблизи я лучше разгляжу, что же там есть такое. Ваня по речке бродил, она здесь небольшая, перепрыгнуть с разбега можно, или по валунам перебраться. Все камешки рассматривал, пока я наверх пытался забраться, да только и до половины не долезешь, крутой тут склон. Степан фотоаппарат свой достал, подальше отходил от речки, даже на склон холма поднимался, фотографировал. Запыхался я, но так и не влез на эту чертову стенку. После третьего раза Степан меня остановил, хватит, говорит, Петруха, не влезешь. Сам попробовал, но дальше моей отметки не поднялся, не за что зацепиться, говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.